

Ильмар Нурме.

Спецпереселенец, пенсионер.
Пишет мемуары на русском и
эстонском языках

(Эстония, г. Пылва)

В Сибири прошли 17 лет моей жизни

Депортированные 14 июня 1941 года жители Вирумаа¹ прибыли в сёла Васюганского района Томской области. Одним из самых дальних назывался посёлок Весёлый. Это было большое село, расположенное на 20 км. дальше Майского (отмечено на современных картах). В этом посёлке было три колхоза: «Вперёд», имени Тельмана, «Путь Севера». По спискам, опубликованным в газете «Пяэвалехт», в эти колхозы были направлены 150 вирумаасцев (женщины и дети). В лихолетье 1941-1943 г.г. от голода умерли не менее 80 - 90 человек. В колхозе «Вперёд» жил и я с матерью. Нам было суждено пережить эти голодные годы и остаться в живых. Мне, 12 - 14-летнему подростку, в то время частенько приходилось участвовать в похоронах людей, погибших голодной смертью, - порой умирали целые семьи, как, например, семья Калвисте, кажется, из Раквере, - мать, дочь (примерно моего возраста) и трёх-четырёхлетний сын.

¹ Довоенный уезд северной Эстонии, где мы жили в городе Кунда

Недалеко от нашего колхоза (располагался он в конце села) находилось кладбище, и все погребения происходили у нас на глазах.

*Кундаская начальная школа, выпуск 4-го класса, 1941 год
Задний ряд: 5-й – Ильмар Нурме, 7-й – Костя Захаров
Средний ряд: 5-я - Ризель Рааг, 8-я – Вильма Омер*

14 июня 1941 г. вместе со мной и матерью пришлось покинуть дом и нашему отцу, Николаю Нурме, который работал школьным учителем в Кунда. В тот день мы были вместе до позднего вечера, когда обоз из грузовиков, на которых везли депортированных, остановился на станции Раквере, там отца поместили в другой вагон. Далее наш путь продолжался в общем составе ещё несколько дней, до станции Печоры. Там из вагонов с мужчинами составили отдельный поезд. Составы с женщинами и детьми и составы с мужчинами двинулись в разных направлениях.

Весной 1951 года меня вызвали в комендатуру Майского, где комендант сообщил мне, что отец будет освобождён из лагеря в

июне (истекают 10 лет, назначенных «тройкой»), и поскольку он инвалид второй группы, то я должен решить, подтвердив своё решение подписью, возьму ли его к себе «на иждивение», в противном случае его отправят в какой-нибудь дом инвалидов (теперь выходит, что это была отправка на принудительное поселение после лагеря, только под более «мягкой» вывеской). Конечно же, я дал подпись. В 1952 г. - в конце февраля или начале марта - отец приехал к нам, в п. Весёлый.

Как позднее рассказал отец, из Печор их поезд взял направление на юг, на Украину, часть мужчин сняли с поезда и направили на строительство линий обороны. Война уже гремела вовсю. При приближении фронта их снова собрали вместе и отправили на такие же работы в Полтавскую область. Когда поздней осенью фронт стал подступать и туда, оставшихся в живых вновь отправили в путь, теперь уже в лагерь Свердловской области. Там им пришлось предстать перед пресловутыми «тройками» и выслушать их решение: за контрреволюционную деятельность - 10 лет лагерной «жизни».

Отец вспоминал, что когда им объявили этот срок, то один из них, депортированный намного раньше и к тому времени уже отсидевший 10 лет, на вопрос, как прошло это время, ответил: «Ничего страшного: зима-лето, зима-лето, так десять раз подряд, и больше ничего». Так «просто» пришлось и самому позднее вспоминать всё пережитое. Все 10 лет прошли в Свердловской области, в так называемом «Бермудском треугольнике» - лагерях Верхотурья, Сосьва и Ступино. Покуда позволяло здоровье, приходилось ходить на лесозаготовки, после ухудшения здоровья - участвовать во внутренних лагерных работах. 14 июня 1951 г. ворота лагеря открылись, и вновь предстоял долгий путь в Томскую область.

В Томске его погрузили на пароход с зарешеченными каютами, в которых доплыли по Оби до города Колпашево, потом река ста-

ла замерзать, и в местной тюрьме пришлось дожидаться, покуда окончательно замёрзнут реки и болота, по которым будет проложен зимник. Обыкновенно этот путь открывался во второй половине ноября или в начале декабря. Тогда и начался пеший переход (при зимних морозах) до Нового Васюгана, центра нашего района. Как я уже упоминал, отец прибыл к нам или в конце февраля или в начале марта. Помню этот день: была красивая солнечная погода, мы на лошадях возили из леса брёвна. И посреди села, на улице, кто-то сказал мне, беги, мол, домой, отец вернулся. Как он выглядел - этого я описывать не стану. Можно представить человека, пережившего 10 лет лагерей. Из них 4 пришлось на суровейшие военные годы. Здоровье его было совершенно подорвано.

Ещё несколько лет он проработал в колхозе ночным сторожем. В августе 1954 г. отец умер и был похоронен на сельском кладбище рядом со своими соотечественниками.

Я не знаю, сколько мужчин арестовали в Кунда 14 июня, но после лагерей в живых остались трое - мой отец, господа Пярн и Трейер, которые впоследствии вернулись в Эстонию.

В первые годы хрущёвской оттепели нам уже разрешали свободно передвигаться в пределах Томской области, конечно, с ведома комендатуры. Так и я уехал из Васюганского района в Колпашевский район весной 1955 г., где прожил до освобождения летом 1958 г.

В прошлом году исполнилось моё давнее желание побывать в тех местах, где прошли 17 лет жизни, – лучшие мои годы. Вообще-то я был в курсе тамошних событий, потому что переписывался с бывшими односельчанами, соседями и сверстниками.

Наше путешествие по Сибири началось 4 июля: из Ленинграда самолётом Ту-154 мы вылетели в Омск, оттуда на следующий день Ан-2 за три часа доставил нас до бывшего районного центра – Нового Васюгана. Мы летели втроём, я взял с собой двоих своих сыновей, чтобы они своими глазами смогли увидеть те места

и условия, где нам пришлось жить. В Новом Васюгане у меня состоялась первая встреча - с Верой Долговой, бывшей жительницей посёлка Весёлый, и с Ренатой Таарде, жившей когда-то в городе Кунда.

На следующее утро, когда мы находились в аэропорту Васюгана, чтобы лететь дальше в Майское, произошла ещё одна неожиданная встреча. Мы ждали прибытия самолёта из Каргаска (он летит далее в Майское), когда вдруг с толстым портфелем в руках появился Отто Ванн из Таллина - тоже с намерением лететь в Майское, где похоронена его мать. В 1941 г. мы с матерью и семьёй Ванн ехали в одном вагоне от Раквере до Новосибирска и оттуда на одной барже до Майского...

В прибывшем самолёте свободных мест не было. Но благодаря работникам местного аэропорта и отзывчивости командира экипажа все мы спустя 30 минут оказались в Майском. Мы с сыновьями пошли к Михаилу Пахомову, бывшему жителю посёлка Весёлый, там нас радушно встретили. После предложенного хозяйкой Ларисой плотного обеда, подкреплённого парой рюмок водки «Виру валге», мы с Михаилом принялись обсуждать, как и на чём добраться до Весёлого и где добыть балки, чтобы установить крест на могилу моего отца. Это ведь было главной целью нашей поездки.

Моё намерение отправиться в путь на телеге Михаил отверг сразу: дороги уже далеко не те, что были 35 лет назад. Он позвал меня к своему другу, шофёру местного совхоза, сказав, что, может, удастся сговориться. Перед одним домом мы увидели ГАЗ-66 и там же сидящих и что-то обсуждающих трёх-четырёх мужчин. Мы подошли к ним, и Михаил, обратившись к Борису (так звали шофёра), спросил, мол, завтра воскресенье, чем он думает заняться? Один из мужчин ответил, что на завтра у них запланирован выезд по ягоде большой компанией. Оказалось, что это был директор совхоза, и после его слов Борис с сожалением по-

жал плечами. Тогда Михаил поведал историю, почему и для чего нужно нам попасть в Весёлый. Директор (по национальности дагестанец) прореагировал на этот рассказ очень живо, вот что он сказал: «Бабы и ягоды могут подождать до следующего воскресенья. Езжайте в Весёлый!» Так молниеносно вопрос был решён. И когда разговор далее зашёл о том, что возле дороги можно срубить подходящее деревце, один из мужчин (он оказался местным трактористом) сказал, что у его соседа напилена целая куча брусьев, и уж одного-двух ему жалко не будет. Хозяин, выслушав историю о том, зачем нам нужны брусья, радушно предложил нам выбрать любые.

Мы сразу же отвезли брусья к Михаилу, обработали их, распилили на подходящие куски. Одним словом, изготовили крест, но не сложили его, чтобы удобнее было везти.

В воскресенье утром, в 7.30, как и было условлено, машина Бориса уже стояла возле ворот. Мы загрузили брусья и лопаты, хозяйка снабдила нас едой в дорогу, и мы тронулись в путь. С нами поехал и директор совхоза, он сел в кабину, а мы вчетвером забралась наверх, на бак. Через шесть-семь километров завиднелась большая равнина, на месте которой когда-то находилось село Каменное, и если бы мне не сказали, что на этом месте когда-то располагалось село, я бы ни за что не поверил. Убедился в этом окончательно, когда после того луга мы доехали до моста через реку Васюган.

Мы проехали ещё шесть километров лесными дорогами до того места, где когда-то располагалось село Елизаровка. Ни одного сохранившегося строения; о том, что здесь когда-то стояли дома, можно было догадаться по зарослям крапивы. Через пару километров два полусгнивших столбика указали нам место бывшей водяной мельницы. Дальше дорога раздваивалась: налево - Весёлый, направо - Шмаковка. По дороге на Весёлый всё же были

видны следы машин и трактора, а дорога на Шмаковку так заросла, что если бы Михаил не показал, я бы её не заметил.

И вот мы уже едем в гору, и перед глазами - равнина, десятки покосившихся бревенчатых домов, кое-где огромные старые деревья. Картина необыкновенно удручающая. Невольно вспоминается большой посёлок, между домами бегают дети, по улицам движутся телеги, по вечерам домой возвращалось стадо – это было село, где кипела жизнь... Удивительно сохранилось здание старого магазина, клуб-школа. Вокруг заросли крапивы и лопуха. И всё же я нашёл то место, где стоял наш дом. А вот здесь проходила широкая улица. Дом, что стоял справа, принадлежал семье Крупиных - в строительстве этого дома и я принимал участие. Не-

много дальше - дом Афонинных, где когда-то, во время войны, находилась сапожная мастерская, а позднее - медпункт.

Проехав вдоль «посёлка», мы направились к кладбищу. Поля кругом заросли, а прежняя поросль между могилками превратилась в красивый белоствольный березовый лес. О могилах можно лишь догадываться по небольшим холмикам. Где чья могила - этого уже никто сказать не может, и о могиле моего отца тоже.

Я выбрал место для креста, решив поставить его перед тремя соснами, что

росли на краю прежнего поля в стороне, ближней к «посёлку». Поставить крест нам усердно помогали Михаил Пахомов и другие, поехавшие с нами. Огромное им спасибо. Так что теперь, если со стороны «посёлка» подниматься в гору по бывшей дороге, крест сразу виден. Почему я не поставил крест посреди кладбища? Дело в том, что в голодные годы (1941-1943), особенно в зимнее время, хоронили неглубоко, потому что выкопать глубокую могилу не хватало сил - и теперь я боялся наткнуться на кости. Крест был высотой 3,5 метра, и мы выкопали яму глубиной 1 м. На кресте установлена пластина из нержавеющей стали, на которой написано:

**«В память безвинно погибшим
Нурме Николай
1894-1941-1954»**

От всей поездки сохранились самые хорошие воспоминания.

Я записал поимённо всех людей и названия всех посёлков для того, чтобы вирумаасцы, бывшие жители того края, смогли получить какую-нибудь информацию. Надеюсь, что вирумаасцы, чьи близкие или родственники похоронены на кладбище посёлка Весёлый, не обидятся на меня за то, что я по собственной инициативе установил на нём крест в память погибших.

Журнал «Радуга», февраль 1992 года, город Таллин

Посвящаю сыновьям и внукам.

Всё, о чём здесь будет написано, зафиксировалось в моей детской и юношеской памяти, всё это видели мои глаза и слышали мои уши. Теперь, по прошествии 50 лет, эти события находят подтверждение в воспоминаниях друзей «по каторге». Написанное мною в большей степени относится к документальному жанру, не жели к художественному. Я не ставил цели раскрывать характеры действующих лиц и оставляю за собой право - кого-то называть по имени, а кого-то обозначать только инициалами.

Ильмар НУРМЕ.

14 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Было тёплое субботнее утро. Мы жили тогда в городе Кунда. Мы – это отец, учитель местной семилетней школы, мама - домохозяйка и я, только что закончивший четыре класса. Был у нас свой одноэтажный дом: три комнаты, кухня, а на чердаке ещё комната и кухня для тётки, которая жила отдельно от нас.

В доме были и квартиранты. Когда летом 40-го в Кунда вошли советские войска, к нам вселили офицера с женой и пятилетним сыном. Как сейчас помню: Гавриловы - Пётр, Татьяна и Вова.

Так мы и жили. Общались с Гавриловыми, бывали друг у друга в гостях.

14-го утром, завтракая, мы увидели в окно, что к нам во двор заходят Гаврилов, солдат с винтовкой, какие-то люди в штатском.

После завтрака мама послала меня за отцом. Я открыл дверь в комнату и увидел, что отец сидит в углу в кресле, а Гаврилов – за его письменным столом и что-то пишет. В комнате было всё разбросано, ящики стола и шкафов вывернуты... На меня никто не обратил внимания, и я убежал к матери. Не помню её реакции на услышанное, помню только, что тут же и маму позвали в комнату.

Пошёл и я. Там Гаврилов объявил, что нас решено переселить в другую область, на сборы даётся два часа и на человека можно взять не более ста килограммов вещей.

Все ушли. В доме стало как-то тихо и пусто. Родители взялись упаковывать вещи: сняли с чердака большие плетёные корзины, куда уложили зимние вещи, постельное и нательное бельё. Боялись, чтобы общий вес не превысил норму. Я ходил в булочную за хлебом.

Через два часа, как и было сказано, во двор приехал грузовик с двумя солдатами. Началась погрузка. Потом сели в кузов на вещи и поехали. Дом остался с раскрытыми дверьми и воротами. На дверь каморки был небрежно брошен сине-чёрно-белый флаг, найденный во время обыска. Флаг подарили отцу ещё в 1933 году учителя, и через много лет, в Сибири, комендант напомнит мне об этом флаге...

В ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ

Приехали в Раквере уже в сумерках. За вокзалом стоял длинный эшелон из товарных вагонов, окна которых были закованы снаружи двумя полосками железа. Шла погрузка людей. Объявили, что мужчины грузятся отдельно от женщин с детьми. Долго раздумывать не пришлось, и мы решили отдать отцу груз потяжелее - корзину с зимними вещами, а бельё досталось нам.

Эшелон со стороны путей охранялся, никого не подпускали и не разрешали разговаривать.

Дни стояли жаркие. На второй день всех начала мучить жажда. К счастью, у одной крестьянки оказался с собой бидон молока.

По обоим концам вагона были двухъярусные нары, на которых и разместилось что-то около тридцати пяти человек. Моя мать одна владела русским языком, и её назначили старостой вагона. Все переговоры между охраной и «пассажирами» шли через неё.

На третий день жажда доконала всех основательно. Поднялся шум, на что охрана среагировала закрытием дверей. Позже, правда, соизволили приоткрыть дверь и поинтересоваться, в чём дело. В результате разрешено было отрядить по 2-3 человека от вагона за водой.

Спустя трое суток поехали в сторону Тапа. По пути всё грузили и грузили людей. Помнится, на какой-то станции мы узнали о войне. Весть о нападении Гитлера была истолкована по-разному. Предполагали, что Гитлер начал войну, чтобы препятствовать вывозу людей, и не сегодня-завтра нас освободят. Но словно назло всем надеждам наш паровоз набирал скорость...

В Петсери эшелон разделили. Составили поезда отдельно - из вагонов с женщинами и детьми и из вагонов с мужчинами. Это не прошло незамеченным. Что можно было сделать? Ничего. И каждый эшелон помчался своей дорогой.

Мелькали города: Ярославль, Киров, Молотов (Пермь). Стало понятно - впереди Сибирь.

Дни тянулись однообразно, день ехали, ночь стояли где-нибудь в тупике, пропуская на запад воинские эшелоны. Так проехали Свердловск, Тюмень, Омск и в одно прекрасное утро - 1 июля - проснулись в Новосибирске. Эшелон подали к Оби, где у причала стояла огромнейшая баржа. Всех нас погрузили в трюм, и мы поплыли...

Худо ли, бедно ли, но в поезде нас чем-то кормили. Чаще всего гороховым супом и пшённой кашей с постным маслом. Кто-то ел, кто-то только притрагивался, остатки всегда выливали, когда съедался и хлеб. Кто бы мог подумать, что уже спустя два года эти супы, каши и хлеб, от которых с брезгливостью отворачивались, покажутся поистине райской пищей!

...У одного большого села сделали остановку, и всем взрослым предписали идти на собрание. Моя мать вернулась заплаканная. Оказывается, на собрании объявили о цели нашей высылки: под

воспитание сроком на 20 лет. Село называлось Новый Васюган и представляло из себя районный центр.

Причалили мы к берегу посёлка Майск. Местный комендант зачитал списки распределения по посёлкам и колхозам.

Нашей семье предстояло добираться в колхоз «Вперёд», самый бедный колхоз того края. За нами пришли подводы. Нашим извозчиком оказался Ломакин Владимир Иванович, человек, с которым в дальнейшем нас связывала, можно сказать, крепкая дружба.

Так закончилась наша дальняя дорога, длившаяся целый месяц. На моей памяти это было 16 июля 1941 года.

Мы попали на квартиру в большую семью. Каждое утро приходил бригадир и всех поимённо сзывал на работу. Первой работой для нас была прополка. За каждый отработанный день выдавали хлеб: сначала по 500 граммов работающим и по 300 иждивенцам, затем норма сократилась до 300 и 150 граммов. В обед на работе варили в общем котле суп или кашу. Завтрак и ужин у каждого должен был быть свой. Так начался натуральной обмен вещей на картошку, молоко, капусту. О мясе, а тем более о масле, не было и разговора...

Так, помню, одна простыня «стоила» четыре ведра картошки, пальто - 12-15 вёдер.

Жизнь текла по заведённому распорядку. О далёкой и страшной войне знали только по газетам, которые осенью доходили редко, по зимней дороге чаще. Летом сообщение велось только по реке катерами на буксире с паузком. Они завозили товары и увозили госзаготовки - зерно, пушнину, пихтовое масло, ягоды, грибы.

... Вскоре одной из забот матери стало одеть меня к зиме, ведь тёплые вещи остались у отца, о судьбе которого мы ничего не знали. Мать сшила мне из простыней унты на вате с длинными, выше колена голенищами, на подошвы хозяин дал два куска лосиной шкуры с шерстью.

Наступила первая сибирская зима. Она сразу же показала настроение и отношение людей к постигшей их участи.

Много было молодых женщин с детьми, не знающих русского языка, не работавших до этого физически вообще (это жёны купцов, адвокатов, учителей). Зиму-то они прожили кое-как, но с наступлением лета подошли к барьеру, который для многих стал последним и роковым.

Хлеб, полученный за трудодни, заканчивался, вкус картошки был давно забыт. Колхоз перешёл на авансирование. Это значит, что выдавали муку на следующую пяти- или десятидневку. За 10 трудодней - 200-500 г муки. Количество зависело от времени года, и в посевную, покос или уборочную было больше.

С весной начался голод. Живших на квартирах стали выселять, так как платить стало нечем. Поэтому люди начали заселять стоявшую за околицей зерносушилку, которая фактически представляла собою огромную печь... После таяния снега почти первой росла «медунка». Она была съедобной. Потом появилась лебеда.

Люди стали совершенно безразличными к своей судьбе, на работу не ходили, а, следовательно, и лишились права выкупа хлеба. Летом 42-го в хлебе отказали всем окончательно.

К середине лета зерносушилка уже не вмещала всех желающих. Тогда освободили колхозную контору, куда и расселили людей. Перешли туда и мы с матерью.

В конторе начался повальный мор. Смерть и похороны - ежедневно. Признаком остановки сердца было выползание вшей из одежды на лицо, шею, руки. Страшная картина...

Кризисное состояние было и у моей матери. К лету она ужасно почернела и похудела, на неё страшно было смотреть, но на работу мама всё-таки ходила. Нас, детей, тоже посылали на работу - пропалывать поля, таскать траву к силосной яме, косить.

Ближе к осени, кажется, в августе, колхоз надумал выводить своих кур в поле за 3 километра от посёлка. Птичница и другие

колхозницы наотрез отказались жить на культстане (избушка для ночёвки). Поэтому работу предложили матери. Она согласилась, и мы переехали. Тем самым был обеспечен каждодневный заработок, крыша над головой, да, чего греха таить, - одно-другое яйцо в день перепадало нам.

В начале сентября я как-то довольно долго не был в посёлке и, идя очередной раз на склад, заметил на улицах повозки, услышал плач, гармошку. Тут же узнал, что в Майск пришёл катер, и объявлена сплошная мобилизация мужчин на войну.

Вскоре посёлок опустел, остались пара стариков да парни 1924 года рождения...

... С наступлением зимы встал вопрос о квартире. Свой выбор мама остановила на одной женщине по имени Лукерья, жившей с трёхлетней дочерью Леной. В предыдущую зиму у неё квартировала эстонская семья, пойманная на воровстве, и поэтому Лукерья зареклась пускать к себе в дом эстонцев. Но, к удивлению, нас пустила, попросив заботиться о дочери и дровах. Эта девчушка Лена окрестила меня новым именем, которое я и носил до последнего дня своей сибирской жизни. Я стал Ильёй, а впоследствии Ильёй Николаевичем.

У Лукерьи был свёкор, дед Ануфрий (дедом его прозвали из-за большой бороды). Работал он в колхозной бондарне, делал бочки для пихтового масла, кадки, сани. Я с этим дедом очень подружился и решил сделать себе санки, чтобы возить из леса дрова. Первые санки получились очень громоздкие и неуклюжие, вторые - уже ничего, и я с удовольствием возил на них дрова. Надо сказать, что этим занимались все мальчишки моего возраста.

Зимой 1943-1944 года мне пришлось пережить невероятные унижения, которых не забыть до конца дней: я ходил из дома в дом и просил милостыню. Настали такие дни, когда я взял суму и пошёл... На Рождество поздравлял с праздником, на Новый год - с Новым годом, даже помню дословно: «Сею, сею, посеваю,

с Новым годом поздравляю, здравствуйте, хозяин с хозяйшкой, с Новым годом, с новым счастьем! Подайте милостыню, Христа ради.»

Проговорю эту фразу скороговоркой, с опущенной головой, и стою молча, жду, когда подадут. Кто давал, что было - картошку, пирожок, морковку, другие сначала упрекнул, а дотом подадут. Всякое бывало. Одно уяснил я себе: более снисходительны были бедные люди.

Нечего скрывать, все мы, жители колхоза, понемногу «тянули» для себя, особенно осенью, с поля. Причём все следили друг за другом, и каждый был готов донести на товарища. Что делать? Голод - не тётка. Но воровать с колхозного поля не столь грешно: могут осудить, постыдить, ну, ударить. Но не дай Бог воровать и попасться на частном огороде - могут прибить. Ходил по колхозную картошку и я, но никогда пальцем не тронул личного огорода.

Однажды выдернул я четыре корня турнепса на колхозном поле, думая, что никто не видит. Но за мной, оказывается, уже наблюдали. Только я сошёл на дорогу, как был схвачен за руку. Повели меня в посёлок, где сразу встретили председателя, бригадира и ещё кого-то. Председатель Савельев заорал, но не ударил. В общем, меня отпустили. А сами вчетвером принялись есть турнепс. На улице осталась куча кожуры. Очень мне было обидно!

1944 и 1945 годы

Этим летом кур мы с матерью больше не разводили, а ходили на работу. Я сторожил круглосуточно зерно (небольшой амбарчик стоял в пяти километрах от посёлка). Топить приходилось днём и ночью. Но если бы кто-нибудь захотел украсть зерно, запросто мог бы с улицы подпереть палкой мою дверь. К счастью, всё обошлось без приключений...

...В 44-м получили мы письмо от отца из лагеря, расположенного в Свердловской области. Тогда, в военное время, подробности о своём житье-бытье нельзя было писать: цензура не пропускала. Помню, отец написал, что нас приветствует и его брат Няльг (по-эстонски голод). В том же году пришло известие и от тёти из Эстонии. От неё получали мы деньги и посылки, что безусловно, очень нам помогало.

Худо-бедно, но до весны 45-го мы дожили. Хорошо помню день, довольно пасмурный. Время было обеденное. К нам вбежала колхозный счетовод и закричала «Ребята, война кончилась! Бросайте работать, сегодня праздник!» Мы побросали топоры и выбежали на улицу. Кто-то радовался, кто-то безутешно плакал.

С окончанием войны появилась надежда на возвращение домой. Но амнистия последовала лишь для уголовного элемента, а мы оставались для государства столь же опасными, как и до войны.

Благодаря тёткиной помощи, мы с мамой закончили «кочевую жизнь» и купили за 200 рублей избу в три стены, печь и обилие клопов и тараканов. Так закончился 1945 год.

В конце августа 1948 года стали до нас доходить слухи, что тем, кого выслали детьми, теперь выдадут паспорта и разрешат вернуться в Эстонию. В Васюгане, где я к тому времени оказался, твёрдо узнал, что ехать домой можно. Я подал документы в милицию на получение паспорта, написал обо всём матери в Весёлый, тётке в Эстонию – с просьбой помочь деньгами. Пока ожидал ответа, взялся ремонтировать квартиру начальнику отдела кадров леспромхоза. Вскоре я получил временный (на три месяца) паспорт, деньги от тётки и решил поехать к матери.

Был уже сентябрь, когда я добрался до Весёлого. Нужно было убрать всё с огорода и тогда уже отправляться домой. Но тут произошли события, которые расстроили все мои планы.

Однажды пришёл мне вызов – явиться в комендатуру в Майск, где комендант Фёдоров известил меня, что постановление о снятии высланных детей с учёта спецпереселения отменено, и всех снова берут на учёт. В следующем, 1949 году, почти всех освобождённых детей этапом в арестантских вагонах привезли обратно, в места первоначальной ссылки.

Остался я с паспортом в колхозе. Комендант паспорт не отобрал, оставил на память, но только я сам его не сохранил.

Зимой я снова работал на лесозаготовках...

Зима стояла очень морозная. Как-то мороз был сильный, и мы попросили разрешения не выходить на работу. Но мастер всё равно выгнал нас на улицу, пинком под зад. Попробовали валить лес, кое-как спилили одну сосну, потому что пила ходила по стволу, как по камню. Простояли мы у костров до обеда и решили ехать в бараки. На следующий день объявили нам приказ директора: за самовольный уход с работы лишит всех прогрессивно-премиальной зарплаты, несмотря на то, сколько у кого выработано. Хотя, как мы узнали, в тот день градусник показывал минус 56...

... В начале июня 1951 года мне сообщили из комендатуры, что мой отец освобождается из мест заключения и теперь он инвалид 2-й группы. Но лишь осенью отец был с нами, и после отдыха дома стал работать сторожем колхозных амбаров.

Надо сказать, что жизнь вообще начала понемногу улучшаться. В магазине появились кое-какие товары, сахар. Люди стали строить отдельные новые избы.

В день смерти Сталина в клубе был созван траурный митинг. Большинство угрюмо молчали, каждый думал о своём.

Опять пришла подписка на заем, как обычно по 300-400 рублей на работающего.

В разгар уборочных работ прошёл слух, что будут отменены налоги и продовольственные поставки. Все мечтали о переменах,

об облегчении жизни, но дождались, увы, немногого. Хотя действительно жить стали лучше. Мы и мясом были обеспечены, и молоком, и зерном.

... В 1956 году написал прошение на имя председателя Президиума ВС СССР Ворошилова, указав, что отец уже отбыл свой срок и умер, так за что же я должен отбывать свой неизвестный срок?! Ответ пришёл из Таллинна: «Вы находитесь в ссылке за преступную деятельность отца». Оставалось только ждать...

К тому времени мне было разрешено передвижение в пределах области. В Тогуре я заканчивал вечернюю школу рабочей молодёжи, мы с женой жили в небольшой квартирке, сын ходил в детсад.

Летом 1957 года я, наконец, получил разрешение съездить в Эстонию к родственникам в Тарту, без права посещения Таллинна.

И вот через 16 лет я очутился в Кунда. Пробыл там неделю, а в конце сентября стал собираться обратно.

В марте 58 года меня сняли с учёта спецпереселения. Моим последним днём работы было 16 июня. Так закончились 17 лет, прожитые в нарымском крае...

От редакции:

Мы намеренно публикуем этот человеческий документ без всяких комментариев и обобщений. Рукопись Ильмара Нурме насчитывает более ста двадцати страниц машинописного текста, не считая копий различных справок, почётных грамот и пр. Мы выбрали всего полтора десятка из них. Но и в этих бесстрастных по изложению, суховатых строчках - отражение ТОГО времени, СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА.

Газета «Советская эстония» №138 от 14 июня 1991 года.